

Rosenthal G. Erlebte und erzählte Lebensgeschichte. Gestalt und Struktur biographischer Selbstbeschreibungen. Frankfurt/Main, New York: Campus, 1995.

Schütze F. Biographieforschung und narratives Interview // Neue Praxis. 1983. V. 3. S. 283-294.

Schütz A. Der Fremde. In: ders., Gesammelte Aufsätze. 1971. Bd. 2. Den Haag: Nijhoff. S. 53-69.

Ольга Бредникова

“Семейная” и “коллективная” память⁴¹ (способы конструирования этнической идентичности)

Я хочу обратиться непосредственно к теме конференции - “биографическому методу”. Мне хотелось бы продемонстрировать, как биографическое повествование, если рассматривать его как самопрезентацию, как некоторое сценическое представление (метафора Гоффмана), открывает существование различных способов конструирования этнических идентичностей.

Предметом моего исследования является немецкая община Санкт-Петербурга. В ходе исследования было взято 22 биографических проблемно-ориентированных интервью. Необходимо заметить, что одновременно с интервью, насколько это возможно, включенно исследовался контекст. Я считаю, что исследования одних лишь вербальных практик недостаточно для того, чтобы понять “реальность” исследуемых; необходимо участвующее наблюдение повседневности. По мере возможности, я принимала участие в публичных мероприятиях немецкой общины или же в “закрытых” семейных праздниках. Высшая степень “доверия” - это допуск на такие праздники, это и, как комплимент, признание “своей”: “Наверное, в Вас есть что-то немецкое, Вы похожи на немку. Такие умные интеллигентные глаза в очках”.

Всякое автобиографическое повествование - связка прошлого и будущего, самопрезентация, объяснение и оправдание сегодняшней идентичности. Каждое биографическое интервью как акт общения социолога с информантом есть особый вид публичной речевой практики; это шоу, некоторая демонстрация: *Я та-кой-то*. И дело не в том, говорит ли информант о реальных событиях, говорит ли он правду - это *его* правда, *его* реальность. Важно то, что он демонстрирует, то, что должны увидеть окружающие, в частности социолог. Для социолога, использующего этот метод, важно увидеть и адекватно проинтерпретировать, каким образом строится подобная презентация. “Человек своим поведением осуществляет высказывание: Я тот, кем хочу казаться” (Гоффман). Задача социолога - расшифровать такое “высказывание”. Ниже на примере проведенного мною исследования я привожу доказательства своего тезиса о важности анализа биографических интервью как сценического представления.

В основании исследования лежали следующие задачи и связанные с ними теоретические представления. Необходимо объяснить (социологически помыслить) рост интереса к этнической идентичности, казалось бы, уже утраченной в советское время. По мнению Леонида Ионина, массовая дезидентификация и “известная ожесточенная борьба за существование” в сегодняшней российской реальности становятся причиной повышения роли аскриптивных характеристик,

⁴¹Мое сообщение базируется на материале совместного исследования “Формирование этнических общин Санкт-Петербурга и Берлина”, которое проводилось в 1993-1996 гг. в Центре независимых социологических исследований, и координаторами которого были Ингрид Освальд и Виктор Воронков. Исследование проходило при поддержке Фонда Фольксваген.

одна из которых - этничность (Ионин 1996: 249). Утерянная предыдущими поколениями этническая идентичность вдруг актуализируется, ложится в основу построения жизненных стратегий.

Этничность - это социальный конструкт, и исследование продемонстрировало данное теоретическое положение. Однако, согласно бытующим в обществе мифам, этничность - наследуемая характеристика, и поэтому биография семьи, семейные предания - конституирующий признак такой идентичности. Поиск корней - основа ее построения. Этим можно объяснить столь распространенное сегодня обращение к генеалогии.

Генеалогия, изначальная задача которой устанавливать и оформлять словесные привилегии, порождает миф о первоисточке благородства, о его прямом наследовании. Таким образом, все достижения предыдущих поколений, их прежние статусы как бы автоматически переносятся на счастливого обладателя именитых предков. При этом главное - найти “нужного”. Так, характерное, но самое сильное по выразительности высказывание одного из информантов, что “*все мои предки произошли от немцев, а вовсе не от каких-нибудь там обезьян*” (из частной беседы с членом Немецкого общества Санкт-Петербурга, 67 лет, пенсионер), не позволяет усомниться в том, что информант с удовольствием несет на себе подобный “груз прошлого”.

Приведу цитату из опубликованной автобиографии: “*Все эти Иваны не помнящие родства придумали очень удобную поговорку: Сын за отца не в ответе. Что ж, это их дело. Лично я предпочитаю другую: “Яблоко от яблони недалеко падает”. Я сын своего отца, внук /.../ настоящих немецких интеллигентов, органично впитавших в себя великую национальную культуру*”. (Мы дети... 1995: 33.). Таким образом, сын и внук “*настоящих немецких интеллигентов*” переносит на себя качество “*настоящего немецкого интеллигента*” и тоже становится носителем “*великой немецкой культуры*”. Причем понятие родственников и семьи трансформируется вглубь, расширяется до того момента, когда можно сказать, что мой прапра... предок - немец. На обыкновенный вопрос о семье информант отвечает: “*В одна тысяча восемьсот... сорок четвертом, в мае месяце...*” - и так далее. Вполне вписывается в этот аспект поиска идентичности и тот факт, что при генеалогическом обществе Санкт-Петербурга отдельно существует немецкая секция.

Большинство моих информантов только недавно стало сознательным образом конструировать свою этническую идентичность. До недавнего времени она была важна лишь в “бюрократическом” пространстве. Но в какой-то момент, когда этничность становится полезным ресурсом улучшения жизненных шансов, альтернативой утраченным идентичностям, ушедшим вместе с Советским Союзом, люди “вспоминают” о том, что кто-то из их предков был немцем. Объединившись под общим этнонимом, “немцы” при этом “приписывают” себя различным референтам, формулируют различные коды “своих”, выбирают различные жизненные стратегии. Различия в организации биографического повествования продемонстрировали разные способы конструирования идентичностей. Принципиальным оказывается то, с чем связывается выбранный референт, в какой контекст он включается. Я выделила два типа идентичностей в зависимости от контекстуализации референта. Первый тип - это *идентичность, построенная на “семейной” памяти*, существующая в рамках семейной идеологии, ценностей. Второй тип - *идентичность, конструируемая на основе “коллективной”, разделенной памяти*. В этом случае идеология и ценности разделяются группой. Понятно, что это деление весьма условно, ибо всякая попытка структурирования и “упорядочивания” есть безусловное упрощение и обеднение. Определим, что я понимаю под “семейной” и “коллективной” памятью.

“Семейная” память сконцентрирована на воспроизводстве семейных преданий, связанных с конкретными лицами, родственниками, чья жизнь и поступки мифологизируются. “Коллективная” же память - это не просто персонафициро-

ванные "коллективные" воспоминания, пропущенные через личный опыт, но коллективное восприятие и коллективные оценки, значимые для сегодняшнего поведения. Создается массовый образ происшедших событий, конструируется коллективная биография. Посредством такой биографии формулируется идеология группы. Каждая рассказанная семейная история воспроизводится в рамках этой идеологии. Она привязана к основным событиям истории группы, опускаются "неподходящие" эпизоды, проводится тематическая селекция. В коллективной памяти об "общей истории" значимыми вехами становятся два момента: прибытие предков-немцев в Россию (как точка отсчета существования группы) и репрессии (как основание особого статуса сегодня). Каждая рассказанная семейная история привязана к этим двум основным событиям. В семейной памяти эти точки могут и не присутствовать вовсе. Значимыми становятся события, связанные с идеологией семьи, такими ее ценностями, например, как честность, образованность и т.д.

Организация двух типов повествований различна. Важным оказывалось место проведения интервью. Еще раз напомню, что интервью, как правило, не сопровождали первую же встречу сразу после знакомства. Проходит период притирки, когда информанту становится ясно, что я вполне безобидна, и мы испытываем, если не привязанность, то хотя бы дружеское расположение друг к другу. В случае, когда это было возможно, информанты сами выбирали место проведения интервью, ту среду, где самопрезентация уместна. Ведь известно, что пространство (буквально *пространство*) структурирует поведение. Окружающие символы - декорации представления. Это могла быть территория немецкого Общества, с немецкой библиотекой, портретом братьев Гримм и картой Германии на стене; или дом - частное пространство - с домашней библиотекой или пирогами, которые мне подавались как немецкие.

В подтверждение своих рассказов в первом случае (в случае с "коллективной" идентичностью) мне демонстрировали документальные, "общественно значимые" свидетельства: справки о реабилитации, постановления суда, паспорта с записью в графе "национальность". В случае, когда идентичность конструировалась на основе семейной памяти, информанты апеллировали к иному рода подтверждениям своей правдивости. Мне демонстрировали документы об образовании бабушек, поделки внуков, показывали семейные фотографии с комментариями: *благородство в осанке, интеллигентность в облике, ум в глазах* и т.д.

Жанр повествований тоже различен. Если семейные предания существуют в виде захватывающих, либо забавных милых семейных рассказов, то биографические повествования, вписанные в коллективную идеологию, протекают скорее в жанре героического эпоса. События в них, как правило, предельно напряжены. Напряженность событий разбавляется "психологическими" рассуждениями или риторическими вопросами и восклицаниями. Это, прежде всего, летопись унижений и обид, существование не *благодаря*, а *вопреки*. Например, рассказ о профессиональной карьере - это, прежде всего, движение по служебной лестнице *вопреки* записи в паспорте, "нехорошей фамилии", в постоянном противоборстве с системой:

"Не буду рассказывать обо всех унижениях, которые мне пришлось вытерпеть из-за своего происхождения. В результате пережитого у меня выработалось ощущение, очень схожее с тем, какое испытывали негры в Америке в эпоху разгула расизма..." (далее как раз и идет рассказ об этих унижениях из-за происхождения) (Мы дети... 1995: 32-33).

"И вот в детском сознании (речь шла о драках в школе по поводу оскорбления словом "фашист", - О.Б.) это никак... нельзя было найти объяснение - за что и почему? Мы ощущали всеми фибрами, всей своей кожей ощущали, что мы виновны. А за что мы виновны? За то, что ты немец, за то, что ты живешь в этой стране - ты виновен. /.../ Видно на Земле и созданы разные нации; если бы, наверное, природа бы хотела иметь национальность, одну разновидность, представ-

ляете, что это такое бы было?! Одни только липы, или одни только дубы, или одни только стройные березки. А значит, кроме стройных березок растут карликовые березы, растут лишайники, растет поросль, ветром наносимая. Значит, это нужно природе, значит, на Земном шаре нужны представители всей национальности. Значит, нужны представители, которые говорят не только на одном языке. Значит, нужно это для существования!" (из интервью с заведующей немецкого детского сада, членом Правления Немецкого общества СПб, 44 года). Этот же "жанр" и интонация я слышала во время выступления информанта на собрании в немецком обществе.

Главные же различия повествований, презентаций идентичности в том, что они конструируются в разных дискурсах. Рассказ об идентичности, возводимой на разделенной, коллективной памяти, существует, прежде всего, в дискурсе общественной справедливости. Цитата: *"...в свое время несправедливо оклеветанным и обоглаженным, когда-то изгнанным с родных земель и собственных очагов, необходимо протянуть руку, устранить переживаемый и по сей день психологический дискомфорт, дать надежду. Ведь, в конечном счете, это вовсе не какое-то великодушье, а прямой долг в отношении собственных же сограждан"*. (Мы дети... 1995: 60).

"Несправедливость" - ключевое слово в этом тексте. В этом случае референт "описывается" в терминах нации. Представления о принадлежности к депривированной группе, которой в прошлом было утеряно нечто значительное (например, снижен социальный статус), борьба за восстановление "исторической справедливости" порождают солидарность иного рода, нежели "семейная" солидарность. Такое представление идентичности характерно для тех "немцев", которые формируют этнические социальные сети в публичной сфере. Идентичность формируется в публичном пространстве.

Можно сказать, что этническая группа стремится стать политическим обществом в борьбе за свои права. В этом случае коллективная идентичность становится функциональна для роли *гражданина*. Группа стремится занять определенную нишу в социальной иерархии, так как само существование понятия общественной справедливости предполагает вертикальную классификацию мира (Ионин 1996: 233-235). Юрген Хабермас пишет: *"В плавильне национального сознания все аскриптивные признаки превратились в столь же многочисленные результаты сознательного освоения традиций..."* Из унаследованной национальности возник *обретенный национализм*" (Хабермас 1996). В этом смысле аскриптивный признак (наследуемая этничность) становится достигаемым (achievement) при переходе в термины гражданства.

Идентичность же, возводимая на семейной памяти, разворачивается в другом дискурсе, ключевое слово которого - "престиж". В этом случае этническая "инакость" выступает в качестве "личной ценности" и не выходит в политическое пространство. Идентичность не становится коллективной, не ложится в основу жизненных стратегий, а существует как лишь некая альтернатива иным позициям в социальном пространстве. Здесь этническая идентичность нефункциональна, для нее нет определенной статусной позиции. А посредством этой идентичности утверждается скорее самооценку личности.

Целостный анализ автобиографического повествования, его контекста и организации всего представления продемонстрировал, что под общим самоназванием сосуществуют совершенно различные референты, этничность приобретает различный "характер". Роль "немца", ориентированная на различные референты, предполагает и различные жизненные стратегии.

Итак, исследование показало, что *существуют два типа конструирования этнической идентичности: идентичность, возведенная на "семейной" памяти, и идентичность, в основу которой ложится то, что я назвала "коллективной памятью"*. Это подтвердили различия в самих биографических повествованиях. Мой

рассказ - всего лишь иллюстрация того тезиса, что всякий биографический нарратив ценен и дает право на интерпретацию лишь с параллельным анализом контекста, с "драматургическим анализом" представления. Публичная инсценировка - пусть это будет общение социолога с информантом - продажа собственного имиджа. Исследование техник и приемов этой инсценировки позволяет понять, каким образом человек поддерживает или меняет свою идентичность, понять его "мир". Очевидно, что сочетание биографического метода и метода включенного наблюдения увеличивает шансы понимания.

Литература

Ионин Л. Социология культуры. Москва: Логос, 1996.

Мы дети российских немцев (воспоминания документы). Сборник о репрессиях против российских немцев. Вып. 1. Санкт-Петербург: Петро-РИФ, 1995.

Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность. В: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность (Московские лекции и интервью). Москва: КАМІ, Издательский центр АCADEMIA, 1996. С.209-244.

Виктор Воронков, Елена Чикадзе

Ленинградские евреи: этничность и контекст

В докладе мы хотим продемонстрировать изменения в конструировании этнической идентичности в контексте развития советского общества с точки зрения деления социального пространства на публичное и приватное. Доклад основан на анализе 50 биографических интервью, взятых у евреев Санкт-Петербурга и Берлина в 1993-1996 годах.⁴²

Мы проанализировали биографические интервью, акцентируя внимание на развитии этнической идентичности в еврейских семьях параллельно с изменением контекста этого процесса. В данном случае под контекстом мы понимаем, во-первых, исторический контекст (события, повлиявшие на трансформацию идентичности) и, во-вторых, особенности развития приватной и публичной сфер советского общества.

Этничность в нашем понимании - социальная конструкция, которая формируется и изменяется в зависимости от внешних факторов.

Определение приватной и публичной сфер требует некоторых разъяснений, поскольку в нашем анализе они не совпадают с принятым на Западе пониманием.

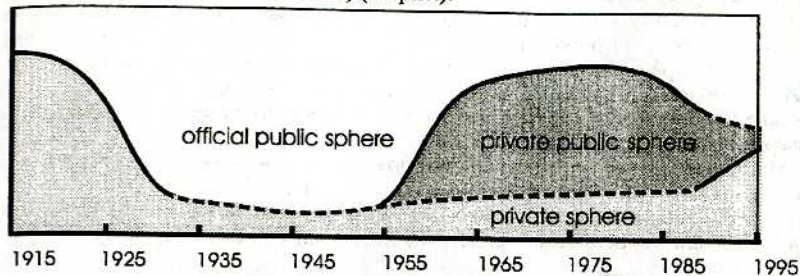
Здесь мы хотели бы сослаться на Олега Вите⁴³, который отмечает важное отличие советского общества от западного. В любом обществе существует граница между сферами действия писанного и обыденного права, однако только в советском существовала одновременная легитимность права писаного и права обыденного (при всех их противоречиях), а также легитимность границы между ними, что стало само по себе особой нормой. Этим сферам соответствовали в определенном смысле официальная публичная и приватная сферы. В приватной сфере, которая в свою очередь подразделялась на собственно приватную и приватно-публичную, можно было обсуждать все. В публичной сфере соблюдалось жесткое табу на происходящее в сфере, не регулируемой писанным правом. А поскольку

⁴² Проект "Формирование этнических общин в Санкт-Петербурге и Берлине", поддержанный Фондом Фольксваген, руководители Ингрид Освальд и Виктор Воронков.

⁴³ Вите О. Избиратели - враги народа? (Размышления об адекватности электорального поведения и факторах, на ее уровень влияющих) // Этика успеха, 1996, 9. С.58-71.

большая часть процессов в обществе регулировалась обыденным правом, то темы публичных обсуждений было сильно ограничены.

Поэтому советский человек считал нормальной социальную шизофрению. Каждый состоял как бы из двух личностей и никогда не путал, какая из них живет в публичном пространстве, а какая в приватном (а если путал, то это могло привести к печальным последствиям) (см.рис.).

Как же соотносится обсуждение этничности с указанным нами делением социального пространства?

Во-первых, отметим, что социологический опрос (в том числе биографическое интервью) является событием (фактом) публичной сферы, по законам которой обсуждается только то, что регулируется писанным правом. Разговор с социологом - не место для обсуждения фактов приватной (реальной) жизни. Поскольку советский человек имел в своем распоряжении две сконструированные биографии, каждая из которых была релевантна для соответствующей сферы, то для социолога это означает особые трудности приближения к реальности, поскольку он должен завоевать особое доверие информанта.

Во-вторых, этничность, как часть биографии, соответственно конструируется различным образом для публичной и приватной сфер. Вопрос интерпретации полученных данных представляет неразрешимую задачу для социолога, если эти данные не были получены в результате глубокого интервьюирования на определенном этапе включенного наблюдения.

Мы рассматриваем прежде всего биографии наиболее распространенного типа информантов, семейная история которых в Ленинграде начинается в 20-30-е годы. Поэтому мы будем говорить о трансформации этнических ценностей такой типичной ленинградской еврейской семьи.

Итак, первое поколение ленинградцев (родители или прародители наших информантов) - приехавшие в город из бывшей черты оседлости подростки и молодые люди, которые, как и значительная часть российских евреев, приветствовала революцию, обещавшую ликвидировать дискриминацию евреев. Их вторичная социализация происходила уже в типичной советской среде и сформировала типичное советское мировоззрение, в котором не оставалось места этническим ценностям. Один из наших информантов рассказывает о письмах своей бабушки-комсомолки 1925 года. "Какого-то упора на еврейское происхождение нет вообще, никакого упоминания", - отмечает с некоторым удивлением 22-летний собеседник.

Молодежь, приехавшая в Ленинград, успешно делает "советскую карьеру". Практически все получают высшее образование: "Мой отец был комсомолец 20-х годов, потом красный профессор. То есть это был абсолютно русский человек. Он помнил свое детство в Белоруссии, в местечковой такой еврейской среде, он оттуда вышел. Но он стал европейский такой, русский ученый в широком смысле этого слова" (здесь русский для рассказчика - синоним советского).

К обосновавшимся в Ленинграде молодым семьям, как правило, перебирались из местечек родители, для которых еврейские ценности обычно были важны.